

Адюльтер

Автор:

[Мария Эльнорд](#)

Адюльтер

Мария Эльнорд

Хиты Wattpad

Ллойд и Оливия полюбили друг друга с первого взгляда. Возненавидели – тоже. Он превратил ее жизнь в ад. Она разбила ему сердце. Они не должны были встретиться вновь, но судьба распорядилась иначе.

Спустя три года после расставания с Оливией Ллойд возвращается в родной городок, надеясь больше никогда не услышать ее имени.

Спустя три года после расставания с Ллойдом Оливия превратилась в совершенно другого человека, которому чужды привязанность и настоящие чувства.

Они поставили точку в своей истории, но лишь один неосторожный взгляд – и они опять попадают на поле битвы. Однако, как говорится, от ненависти до любви...

Мария Эльнорд

Адюльтер

Пролог

Я помню, как крепко сжимала твою ладонь в минуту, когда ведущий нарочито медленно открывал конверт.

Все знали, чьи имена будут оглашены, но на сей раз победа казалась желаннее всего на свете. Тогда я не сомневалась, что выиграю джекпот, ведь мы, несмотря ни на что, держим друг друга за руки. Я так долго боролась за нас, финал был так близок: и вечера на Санторини, пропитанные вкусом узо с апельсиновой газировкой, и путешествия в маленьком доме на колесах, и закаты в горах, и рассветы на пляже. До нашей мечты оставалось пару шагов.

Толпа взрывается овациями, мы выходим на сцену. Символом победы служат две пластиковые короны на наших головах. В этот момент я ощущаю себя эпицентром вселенной, не замечая, что земля рушится у меня под ногами.

Ты больше не держал меня за руку.

Через пару часов я буду искать тебя среди толпы пьяных выпускников, и в прокуренном темном коридоре загляну не в ту дверь.

Ты так и не поймешь, что я видела тебя с другой. Я уйду из твоей жизни гораздо раньше, чем ты это осознаешь.

Глава 1. Беглянка

Лейк-Чарльз, штат Луизиана, США.

Три года спустя

Оливия

Я аккуратно перекатываюсь на другую часть кровати, боясь разбудить Грэга. Парень безмятежно спит, не обращая внимания на мои манипуляции, еле слышно посапывая. Мне приходится легонько отодвинуть его в сторону, так как

его близость доставляет мне жуткий дискомфорт. Как только я вдыхаю полной грудью, на меня вновь падает его рука. Грэг обнимает меня за талию и притягивает себе.

Господи, дай мне просто уснуть!

Придется потерпеть до утра. Куда мне уходить посреди ночи? Машины под боком нет, идти пешком до дома довольно долго. Если выйду сейчас, дойду только к утру. Черт меня потянул поехать к Грэгу!

Дышать все тяжелее: чем сильнее его рука обнимает меня, тем меньше воздуха поступает в легкие. Пытаюсь высвободиться из объятий и немного вытянуть шею, но горло неприятно сводит.

Я не могу спать с кем-то в одной постели. Мне кажется, что я задыхаюсь, когда чувствую чье-то присутствие рядом с собой. Особенно мне неприятно спать лицом к лицу, ощущая чужое дыхание. Но самая огромная пытка, когда меня обнимают во сне, и мне не удастся ни руками, ни ногами нормально пошевелить.

Грэг зарывается лицом в мои волосы, и шею обдаёт теплом его дыхания.

А вообще, до дома не так уж и далеко... Быстрым шагом управлюсь часа за два.

Парень недовольтно постанывает, когда я высвобождаюсь от его оков. А чтобы он не проснулся раньше времени, подкладываю вместо себя подушку, и его рука мгновенно, как лиана, обвивается вокруг нее.

Я долго ищу одежду и обувь. В темноте врезаюсь в каждый угол маленькой комнатки мотеля и чуть не расшибаю лоб о комод, натягивая джинсы.

На цыпочках, тихо, как мышка, я сбегаю от парня, с которым провела сегодняшнюю ночь. Мое обещание Грэгу остаться с ним до утра летит к черту, и уже через пару минут я вырываюсь на улицу и блаженно вдыхаю прохладу ночного воздуха.

Еще никогда свобода не была столь приятной. От асфальта исходит тепло дневного солнца, легкий ветерок ласкает щеки, а это звездное небо!..

Я запускаю пальцы в корни волос и хорошенько их встряхиваю, чтобы быстрее ушла влага после душа, и, пританцовывая, двигаюсь в сторону своего уютного райончика.

Феникс Апартаментс находится на северо-востоке города. Это маленький уютный серо-желтый городок из блочных двухэтажных домиков, в каждом из которых по четыре квартиры-студии. Помню, как сильно я обрадовалась, когда мне удалось найти номер в желтой секции на втором этаже. Сэм, мой лучший друг, сразу же стал постоянным гостем. Моего счастья не разделили только родители: мама считала, что я не потяну оплату, а отец старался отговорить меня от затеи жить самостоятельно, пока я не окончу университет. В меня мало кто верил, и все-таки я добилась независимости и уже третий год обеспечиваю себя. Иногда даже помогаю Сэму, когда отец блокирует его карточки после семейных ссор.

Самое лучшее в ночном Лейк-Чарльзе – пустые, безлюдные улицы.

Несмотря на долгую прогулку, я наслаждаюсь каждой минутой одиночества. Я не вижу ни одного раздражающего лица, не слышу лестных и лживых речей. Рядом не бегают крикливые детишки, краем глаза я не замечаю надменных взглядов женщин и похотливых сигналов мужчин. Со мной никто не хочет познакомиться, я никому не нужна, и это самое большое наслаждение.

Я настолько ненавижу людей, что готова добровольно уплыть на необитаемый остров и прожить там целую жизнь.

Горизонт вспыхивает алым цветом. Первые лучи солнца запрыгивают на верхушки домов и задорно перебегают от одного здания к другому, провожая меня теплом до самого номера. На дорогах появляются первые машины, раздается шум свистящих педалей, когда рядом проносится почтальон. На крыльцо выходят сонные жители, укутанные в махровые халаты, с чашечкой кофе, они проверяют почтовые ящики. Город накрывает новый день, и с каждой минутой он становится все громче.

Поднявшись на свой этаж, я замечаю у соседнего номера дорожные сумки и чехол с гитарой. Дверь настежь открыта, и до меня доносится эхо едва различимых голосов.

Блеск! А я ведь только привыкла к тишине. Мало того что придется знакомиться с новым человеком, так, оказывается, он еще и музыкант. Честно говоря, музыки мне хватает и в университете, но теперь, по всей видимости, меня и дома будут донимать пением.

Я слышу приближающие шаги и как можно скорее захожу в свой номер, пока новый сосед не заметил меня. Хватит на сегодня пыток! Завешиваю окна шторками, закрываюсь на все замки и с наслаждением падаю в постель.

Я вдыхаю полной грудью свободу от рук Грэга и, вздрогнув от приятного холода простыней, погружаюсь в сон.

Глава 2. Белый Кролик

Во времена вьетнамской войны людей пытали страшнейшими способами: их лишали сна, приковывая к стулу, им запрещали менять позу, включали громкую музыку, чтобы бедолага не смог сомкнуть глаз. К слову, депривация сна очень быстро сводит с ума. Сначала человека атакуют приступы агрессии, затем депрессивные расстройства и головная боль, а вскоре приходят галлюцинации, забирая несчастного в сладостный мир безумия.

Я знаю об этом, потому что Сэм учится на историческом факультете. А он прекрасно знает, что после бессонной ночи меня лучше не будить. Но все равно, как вьетнамский летчик, Сэм залетает ко мне в квартиру, громко стуча ногами по полу.

– Напомни мне забрать у тебя вторую связку ключей, – ворчу я в подушку.

– Ты все равно хранишь ключи под ковриком.

Друг садится на край моей кровати.

– Лавандовый раф, твой любимый... – жизнерадостный голос Сэма вызывает во мне приступ утренней тошноты. – Пей уже и собирайся.

Моей задницы касается горячее доньшко стаканчика. Секунда, две, три. Я хватаю горячий стакан и потираю обожженную ягодицу.

– Что б тебя!

От резкого движения содержимое стаканчика чуть не выливается на футболку. Мне удастся вовремя удержать баланс и замереть, не расплескав кофе. Сэм же как ни в чем не бывало вручает мне коробку капкейков и уходит в ванную комнату.

– Не вздумай трогать мой тоник, Сэм!

– Больно нужно! Кстати, ты слышала, что к нам переводят новенького? Судя по фоткам в сети, он в активном поиске.

Пока парень говорит, я успеваю выпить половину содержимого стаканчика, накинуть халат и подкрасться в ванную с коробкой капкейков.

Сэм стоит возле зеркала, пристально разглядывая свое лицо. Он безрезультатно пытается уложить угольно-черные волосы, которые непослушной волной касаются плеч. В конце концов, сняв резинку с запястья, он завязывает волосы в небрежный пучок. Его грациозные кошачьи движения вызывают во мне приступы умиления. Вечно он смотрит на себя с нескрываемой претензией и пытается справиться с хаосом на голове.

– Оставь в покое свои волосы. – Я отодвигаю парня в сторону от умывальника и включаю воду. – Ты и так прекрасен.

Темно-карие, черные, как два уголька, глаза сверкают недовольством. Он медленно проводит пальцами по легкой щетине. Его яркая внешность не может не привлекать. Сэм часто ловит восхищенные взгляды как женщин, так и мужчин. Впрочем, несмотря на свою манерность и неожиданные вспышки экстравагантности, выглядит он все равно мужественно и сексуально. Сэму всегда удавалось соблюсти золотую середину между пошлостью и стилем. На первом курсе он пришел на вечеринку в строгом белоснежном смокинге с черной бабочкой. Однако отнюдь не бабочка сразила студентов, а туфли на высоких шпильках, в которых он продефилировал на глазах у всей толпы. Свой образ он дополнил ободком с черными кроличьими ушками. Так что и по сей день Сэм

носит прозвище Белый Кролик, чем безмерно гордится.

Даже когда он красил губы помадой и пользовался тенями, надевал цветастые шубы с лосинами или мешал элементы мужского гардероба с женским, никто ни одного плохого словечка не кидал в его сторону. Сэм всегда являлся душой компаний и в любую тусовку вливался за считанные минуты. Одного вечера в белом костюме на шпильках ему хватило, чтобы влюбить в себя женскую половину университета, а также заинтриговать мужскую. Более того, мой друг не идентифицирует себя ни под одной гендерной идентичностью. Он – квир и называет это философией и состоянием души.

– Ты должна увидеть этого красавчика. – Сэм достает свой смартфон. – Наконец что-то новенькое в нашем захолустье.

Я выдавливаю на щетку зубную пасту и начинаю тщательно чистить зубы. Времени до выхода у нас остается немного. Как бы я ни хотела остаться дома, бессовестно проспав лекции, Сэм этого не допустит. Он слишком любит чертову жизнь и считает своим долгом влюбить в нее и меня.

Вот только уже третий год подряд у него это не получается.

На той судьбоносной вечеринке Белый Кролик подошел именно ко мне, скучающей за баром пессимистке. Он воскликнул: «Что здесь за воду льют? Сделай мне нормальный виски!», а затем перевалился через стойку и чмокнул меня в щечку. Его поступок ужасно смутил меня, и я послала его куда подальше, в ответ на что получила средний палец.

С того вечера он только и делает, что вторгается в мое личное пространство.

Прекрасно понимая, что я ненавижу, когда кто-то хозяйничают в моем доме, будит меня по утрам или высказывается по поводу моего внешнего вида, Сэм намеренно делает все вышеперечисленное, борясь, как он выражается, с моей депрессией.

– Вот посмотри. – Он показывает мне экран телефона, но я упрямо отворачиваюсь, не собираясь разводить дискуссию по поводу внешности новичка.

У нас все равно абсолютно разные вкусы.

- Поверь, этот точно тебе понравится. Он, похоже, спортсмен.

Я выплевываю пасту и, прополоскав рот, выхожу из ванны, игнорируя надоедливого друга. Сэм наконец закрывает тему новичка и, ответив на звонок, принимается обсуждать с кем-то прошедший футбольный матч. Во время разговора он скептически осматривает мою одежду и жестом показывает на синяки у меня под глазами.

Отлично.

Прохожусь консилером под глазами и, зашлифовав остатки следов бессонной ночи, выхожу из дома, дожидаясь, пока Сэм тоже соизволит выйти.

Глава 3. Возвращение

Ллойд

Три года назад я пообещал себе, что больше не вернусь в Америку. Буду колесить по Европе и Азии, испробую все деликатесы мира, пройду по популярным проспектам, бульварам и набережным. Побываю на ярмарках и маскарадах, увижу салюты и парады. Найду себе новых друзей, с которыми буду отмечать Хеллоуин и встречать Рождество. Я создам новую жизнь, полную путешествий и открытий, и в ней не останется места для меланхолии по прошлому.

Я прожил так три года. От города к городу, от страны к стране, от континента к континенту. У меня случались и радостные, и тяжелые дни. В каких-то странах я пировал в пятизвездочных отелях, а в каких-то подрабатывал грузчиком и пел в переходах. Я вкусил и богатую, и бедную жизнь, прочувствовал на себе менталитеты разных стран. Был чужим и своим, был инопланетянином и дикарем. Я познал весь контраст этого мира.

В одиночку. Вопреки всему, что скрывалось в прошлом.

«В Америке тебе станет лучше!»

Я слышал эту фразу тысячу раз и всегда менял тему разговора, ведь испытывал дискомфорт и неприязнь.

И вот спустя три года я снова здесь, я вернулся в город, где каждая улица хранит особую историю из моего прошлого.

Вот только я уже совсем другой.

Мой путь «домой» пролегал через город Лафайет. Привыкший к городским праздникам, я не смог пропустить музыкальный фестиваль. Но даже шумная вечеринка не отвлекла меня от мыслей о Лейк-Чарльзе и о том, что я согласился не просто погостить, а продолжить обучение в стенах университета Макниз. Зачем?

В Лейк-Чарльзе ее не будет. Она учится в Вашингтоне, как и грезил ее родители. А мне остается лишь копаться в воспоминаниях в одиночку.

Я застегиваю куртку и сворачиваю в сквер. Как же непривычно прогуливаться налегке, без гитары и спортивной сумки. Все вещи я оставил в приемной своих апартаментов. Девушка на рецепшен не испытала особой радости, увидев мои пожитки, но все равно согласилась присмотреть за ними.

Гитара и большая спортивная сумка – все, с чем я путешествовал три года. Придется обзавестись новой одеждой, постельным бельем и туалетными принадлежностями. Больше никаких мотелей с одноразовыми зубными щетками. Мне понадобится время, чтобы обжиться здесь.

Я двигаюсь в сторону своего нового дома и по пути захожу в круглосуточный супермаркет. Никогда бы не подумал, что существует столько видов зубных щеток. Да и вообще, все эти банные принадлежности: шампунь для волос, маска для волос, бальзам для волос, гель для лица, гель для тела, скраб, скраб для лица, гель для ног... Добрая сотня баксов на то, чтобы просто помыться!

Я беру гель три в одном, хватаю первую попавшуюся щетку с зубной пастой и иду к выходу. Сонный продавец лениво пробивает товар и, зевая, предлагает продукты по акции. Я сразу отказываюсь. Прокладки с тридцатипроцентной скидкой мне пока что не понадобятся.

Я прихожу на территорию апартаментов отеля уже засветло. Хватаю свои пожитки и отправляюсь к квартире.

Отлично, желтый блок! Все как я люблю.

Бросаю вещи у входа и захожу в номер. Красивая, аккуратная студия со всем необходимым: кровать, комод с ящиками, даже нашлась посуда на кухне. Я открываю окна, чтобы проветрить комнаты от спертого воздуха, и замираю, услышав, как в соседнем номере открывается дверь. Мой сосед явно медлит, возможно, прислушиваясь или же присматриваясь к моим вещам. Вскоре он заходит в свою студию.

Чувствую, со звукоизоляцией мы еще повеселимся!

Надеюсь, сосед у меня мирный, и мне не придется стучаться к нему посреди ночи с разборками.

Странное чувство пробегает россыпью мурашек по телу. Но я не концентрируюсь на ощущениях, дабы не вызывать преждевременную ностальгию.

Через пару часов начнется мой первый день в Макниз, и я должен постараться не вылететь оттуда. Мама долго улаживала детали с переводом. Это было довольно сложно, так как в Лондоне я учился дистанционно и кое-как заканчивал каждое полугодие.

Раскладываю вещи, принимаю контрастный душ и готовлю себе завтрак, попутно отправляя родителям сообщения. Я почти готов к новому дню и новой оседлой жизни. Черт возьми, меня же все-таки что-то заставило вернуться сюда!

Внезапно хлопает дверь, и из соседнего номера доносится женское бормотание. Подслушивать нехорошо, но я еще не обзавелся телевизором или игровой приставкой, чтобы заполнить тишину стен фоновыми звуками. Вдобавок мне бы

найти новых знакомых, и тогда одинокие вечера сами собой отвалятся.

Я надеваю чистые вещи, беру гитару и выхожу из апартаментов, продолжая слышать приглушенные, еле различимые разговоры своих соседей.

Глава 4. Ухмылка предателя

Оливия

Не могу не заметить, как идеально падает свет на присутствующих актеров на сцене. Я подхожу ближе и беспардонно делаю снимки, ловя жесты студентов щелчками затвора. На лице появляется улыбка, когда мне удастся сделать крутые кадры. В объективе камеры люди совсем не такие, как в реальной жизни, и я перестаю их ненавидеть. Даже, наоборот, влюбляюсь в них, в их мимику и движения. Мир становится терпимей, когда я беру в руки фотоаппарат. Все становится проще и понятней.

– Стоп! – кричит мистер Коллинз, показывая руками крест. Листки со сценарием разлетаются в разные стороны и плавно падают на пол. – Это совершенно не годится, вы неорганичны! Премьера через две недели, а вы деревянные!

Я опускаю камеру, вешаю ремешок на шею и скрываюсь за кулисами. Не собираюсь слушать преподавателя. Мистер Коллинз чересчур эмоционален и часто делает из мухи слона, особенно если дело касается сценариев его авторства. И пока он в очередной раз отчитывает бедных студентов актерского факультета, я сижу за кулисами и отправляю сообщение Сэму. Репетиция только началась, а я уже подумываю уйти. Зря я согласилась заснять бэкстейдж их репетиций.

Когда режиссер успокаивается, репетиция возобновляется. Актеры отчитывают свои монологи с теми же эмоциями, только на этот раз мистер Коллинз молчит. Я выглядываю из-за кулис и пытаюсь разглядеть выражение его лица, но свет прожекторов слепит меня. Все, что я вижу, – очертания мастера и темную фигуру, которая неспешно подходит к нему.

– Стоп! – Как только в помещении вновь раздается возглас преподавателя, я сразу же скрываюсь за кулисами. – Хорошие новости! Кажется, мы наконец-то обзавелись музыкальным сопровождением. Забываем о фонограмме.

Ребята на сцене оживляются. Я же скучающе просматриваю сделанные снимки.

Мистер Коллинз дает десятиминутный перерыв, после чего актеры спускаются в зал.

– Подождите, не разбегайтесь. Давайте познакомимся с нашим музыкантом.

Я выглядываю в щелочку плотных штор и наблюдаю, как силуэт загадочного музыканта взлетает на сцену. Однако стоит ему оказаться ко мне достаточно близко, стоит лучам сапфиров осветить его профиль, как мои ноги подкашиваются, а сердце взрывается на миллион частиц.

Я резко прячусь за ширмой.

– Как тебя зовут? – спрашивает преподаватель. – Расскажи о себе, ты ведь не отсюда?

– Меня зовут Ллойд Форд. – Сердце бьется все быстрее. Это же его голос. Его! – Я вроде как вернулся в Лейк-Чарльз. Последние три года я путешествовал по миру.

– Очень интересно, – искренне восхищается преподаватель. – На чем играешь?

– С семи лет играю на фортепиано. В разъездах освоил гитару. Ее гораздо удобнее таскать с собой, нежели рояль.

По залу разносится тихий смех. Я нервно оглядываюсь, пытаюсь придумать, как мне смыться отсюда к чертовой матери, ведь огромный рояль стоит в метре от меня.

Только бы он не пошел играть на рояле.

Только бы он не пошел играть на рояле!

– Отлично, сыграйте нам.

– На чем?

Только не на рояле!

– На чем больше нравится.

Шаги раздаются совсем близко, и я застываю.

Ллойд садится за рояль, зал заполняется плавной, грустной музыкой. Я выглядываю из-за ширмы и вижу его прямо перед собой. Светло-русые волосы аккуратно уложены назад, точеный профиль за время нашей разлуки огрубел и вытянулся, на руках появились новые татуировки. Три года прошло, а такое чувство, будто мы виделись вчера.

От воспоминаний руки сжимаются в кулаки.

На лице Ллойда появляется улыбка.

Он поет неторопливо, наслаждаясь каждой нотой, лаская каждое слово. Чем дольше я наблюдаю за ним, тем сильнее прошлое накрывает меня бушующей волной.

На днях Сэм поставил на мой телефон особую функцию – чтобы я могла с легкостью найти телефон в сумке, он поставил на звонок вспышку. Так что теперь, каждый раз, когда мне звонят, агрегат исполняет световое шоу, и сейчас, как некстати, происходит именно это. Сенсор начинает глючить, от безвыходности я бью по экрану пальцами. Я настолько теряюсь, что не замечаю, как мелодия резко прерывается.

– Олли?

Каждый раз все заканчивалось очень плохо, когда мы встречались взглядами. Вот и сейчас мой мир разрушается от глубины его бездонных зеленых глаз. Парень удивлен, а еще раздражен и зол. Его губ касается ядовитая ухмылка, что

не может не задеть меня. Я чувствую, как моя решимость рассыпается, и давно забытые чувства восстают из закров сознания, из-за чего от боли сводит легкие.

Собрав волю в кулак, я молча ухожу из зала, чувствуя спиной его надменный взгляд. В коридоре я прибавляю шаг и чуть ли не бегу к выходу, придерживая камеру, чтобы она не разбилась, болтаясь у меня на шее.

Мне хочется унести как можно дальше, провалиться сквозь землю или перестать дышать. Я была уверена, что он не вернется, что он останется в Греции, ведь его родители вновь сошлись, и мама переехала туда. Ллойда ничто не держит в этом городе, даже в этой стране!

Если он, конечно, не приехал, чтобы намеренно насолить мне.

Голова разрывается от мыслей, и мне с трудом удается держаться непринужденно и сухо, когда я встречаюсь со знакомыми на лестничном пролете. Никто не должен увидеть мою слабость, никто не должен узнать, насколько сильно меня ранил Ллойд Форд.

Ллойд тоже ничего не узнает, иначе он воспользуется моей слабостью.

Из года в год мы подсознательно передавали друг другу эстафету и соревновались, кто надавит сильнее. Мы никогда не дружили, мы ссорились, мирились, уничтожали друг друга и снова были вместе. Но сейчас ненависть перекрывает кислород в легких. Мне не избавиться от жгучего желания сделать ему больно. А еще я чувствую, что он хочет того же самого. Но мне нельзя поддаваться.

Не дай бог все начнется сначала.

Глава 5. Встреча с призраком прошлого

Ллойд

Музыкальная аудитория выглядит впечатляюще: огромное количество инструментов от арфы до кларнета, отдельная комната со студией звукозаписи. Студенты заняты своими делами. Преподаватель еще не пришел, так что кто-то импровизирует на фортепиано, кто-то уселся на пуфики и болтает, а кто-то, как и я, сидит за стулом с пюпитром и примерно поджидает учителя.

– Эй, новенький, – шепотом зовет парень, сидящий по соседству. – Линд, да?

– Ну, почти. Ллойд Форд.

– О, прости, у меня плохо с запоминанием имен. – Он продолжает шептать, что не может не забавлять, ведь преподаватель еще не появился и все студенты нагло галдят друг с другом. – Меня зовут Кевин Боуни.

Недолго думая, парень подвигается ко мне, скрипя стулом, и протягивает руку в знак приветствия.

– Приятно познакомиться, Кевин.

Он широко улыбается и довольно часто кивает головой. В глаза сразу бросается, что у него какие-то проблемы. Кажется, у Кевина патология в развитии, но несмотря на это ведет он себя расслабленно. Он опрятно одет, держит спину прямо, то и дело заправляет длинную челку за ухо. Кевину явно нравится, что мы заговорили на равных, и, не скрывая счастливой улыбки, он заглядывает в свои конспекты, делая вид, что занят.

Краем глаза я замечаю косые взгляды. Презрительные и холодные. Я сразу понимаю, что большинству не нравится, что с ними на факультете учится «особый» студент. Но все это глупые предрассудки. Уверен, что Кевин – весьма одаренный парень. Изучив полмира и познакомившись со множеством людей различных рас, народов и религий, я понял, что каждый из нас индивидуален. Я часто встречал ребят с похожим недугом. Они могут быть гениальны в той сфере, которая им интересна.

Не сомневаюсь, что Кевин еще многих удивит.

– Всем добрый день! – резко произносит мужчина, ворвавшись в аудиторию.

На нем строгий деловой костюм. В руке он несет кожаный портфель. Судя по тому, с какой скоростью он залетает в аудиторию, он тот самый преподаватель, которого мы все ждали. В моей памятке написано, что его зовут мистер Дженкинс.

Мистер Дженкинс кидает на меня недоуменный взгляд, наверняка пытаюсь вспомнить, виделись ли мы раньше на его занятиях.

– Итак! – провозглашает он громким голосом. – На повестке дня у нас задание от мистера Коллинза. – По кабинету разносится недовольное перешептывание. – На новую театральную постановку ему потребуется музыкальное сопровождение. Добровольцы?

Повисает тишина. Некоторые притворяются, что не услышали вопрос, и продолжают заниматься своими делами. Только Кевин оживает и с надеждой расправляет плечи. Дженкинс осматривает студентов и кивает в сторону скучающего за роялем парня.

– Чарли, готов помочь?

– Мне нужно готовиться к выступлению, а оно в то же время, что и театральная постановка мистера Коллинза. – Его пальцы ложатся на клавиши, выстраивая минорный аккорд.

Преподаватель задумчиво сводит брови. Кевин же немного застенчиво бормочет:

– Я могу.

Но его никто не слышит.

– Кайл! – не отрывая взгляда от Чарли, басит мужчина.

– Да мне бы хотелось подтянуть гармонию с полифонией... – Парень явно на ходу подбирает отговорку. – И скоро экзамен по истории музыки.

– Мистер Дженкинс! – смелее и громче произносит Кевин, и Дженкинс наконец-то обращает на него свой взор. – Я могу.

– Не думаю, что это хорошая идея. Там будет много зрителей и...

– Ты затрусишь и убежишь, как тогда на экзаменах, – с издевкой добавляет Чарли, продолжая незамысловатую импровизацию на фортепиано.

– Но это было давно, – шепотом оправдывается парень и замолкает.

Расстроенный, Кевин отворачивается. Наверняка он вспомнил о ситуации из прошлого и решил не настаивать. Чувствуя на себе насмешливые взгляды студентов, он переводит взгляд на экран своего телефона. Мне становится как-то неприятно.

Судя по всему, только мне.

– Может, новенький поможет? – Мистер Дженкинс останавливается прямо передо мной. – Ллойд, верно?

Он протягивает мне руку, но мне не хочется ее жать. Преподаватели не должны поддерживать травлю студентов, какой бы она ни была.

– Меня зовут Генри Дженкинс.

Я киваю, надевая дежурную улыбку, и нехотя жму ему руку.

– Большинство студентов задействованы в рождественском концерте, а мистер Коллинз как всегда не вовремя сообщил о необходимости музыкального сопровождения.

Мне абсолютно наплевать на его слова. Я просто молча соглашаюсь.

– Отлично! – Он хлопает меня по плечу, из-за чего у меня возникает огромное желание сломать ему руку. – Считай, что вокал, ансамбль и сольфеджио ты уже сдал.

- Вы не говорили, что добровольца освобождают от занятий.

- Частично, только во время репетиций. Кстати, о них... - Он смотрит на часы на запястье. - Репетиция в самом разгаре. Мистер Коллинз уже ждет тебя.

Настроение окончательно падает. Меня одолевает странное предчувствие.

Я поднимаю чехол с гитарой и спрашиваю:

- Где проходит репетиция?

- О, я провожу! - Кевин вскакивает с места и в спешке собирает вещи.

Когда мы выходим из музыкального класса, парень облегченно выдыхает и сбавляет шаг, видимо, не желая возвращаться так скоро.

- А я-то рассчитывал, что хотя бы в университете на меня забьют, но нет, - тихо признается он.

- Тогда забей сам.

- У меня... знаешь, у меня вроде как слабая форма аутизма. Люди это замечают. А мне иногда трудно проявлять свои эмоции, но я стараюсь.

- На чем играешь? - Я решаю сменить тему, так как болеет он или нет - мне все равно, это никак не отразится на моем желании общаться с ним.

- Фортепиано и скрипка, немного на басах и ударных могу.

Мы проходим по коридору к лестничному пролету и спускаемся вниз. Настроения совсем нет, а необъяснимое предчувствие подначивает плохие мысли. Даже небольшая экскурсия Кевина не приносит никакого успокоения.

- Мистер Коллинз может показаться весьма эксцентричным, но он отличный учитель и режиссер. Кстати, учителей на актерском называют «мастерами». Но мистера Коллинза называют Зануда Бак.

Кевин отворачивается, чтобы скрыть улыбку, но в его глазах вспыхивает задорный огонек. Мой новый знакомый инстинктивно пытается скрыть свои эмоции, надевает маску «нормального человека», но как же это неправильно. Ненормальные – те, кто вынуждает таких, как Кевин, скрываться под масками.

Внезапно я вспоминаю, как в школе мы с ней устраивали взбучки кем, кто обижал других. Мы хотели, чтобы люди были добрее друг к другу. Она так хотела. Добрее нее я никого не видел. Она всегда излучала тепло и доброжелательность даже по отношению к тем, кто этого не заслуживал.

Я в городе, где все началось, и, черт возьми, как бы я ни пытался, выкинуть ее из головы у меня не получается.

Когда мы оказываемся в коридоре, я невольно останавливаюсь, впустив в память вспышки из прошлого. В тот день она звонко смеялась, обнимала меня крепко-крепко, а я предвкушал отъезд в Грецию. Наш выпускной класс пригласили на день открытых дверей в университет, но спустя пару минут вступительной речи ректора в актовом зале мы с ней решили сбежать на озеро.

Последний лучший день в этом городе.

– Мы пришли, – сообщает Кевин, затормозив возле двери.

Парень покачивается на пятках, барабанил подушечками пальцев по лямкам рюкзака. Он хочет что-то сказать, но не может решиться. Неожиданно, не говоря ни слова, он резко отворачивается и стремительным шагом направляется обратно.

– Эй, не хочешь посмотреть репетицию? – громко спрашиваю я.

Кевин примерзает к месту, а затем молча возвращается обратно.

Ведет он себя забавно: смущенно улыбается, смотря себе под ноги.

– Отлично, – подбадриваю его я, когда мы проходим в зал. – Мистеру Дженкинсу скажешь, что устроил мне экскурсию.

– Мистеру Дженкинсу наплевать на мою посещаемость. – Кевин присаживается в кресло на последнем ряду. – Я подожду тебя здесь.

Не отводя глаз от сцены, я спускаюсь к мужчине. Я сразу же догадываюсь, что это мистер Коллинз, ну или Зануда Бак, судя по тому, как эмоционально он жестикулирует и нервно размахивает листками с записями. На сцене разворачивается драма, в эпицентре – девушка, терпящая оскорбления других.

Зануда Бак не обращает на меня ни малейшего внимания. Он расстроено хватается за голову после каждой реплики актеров. Впрочем, ребята выглядят довольно уставшими. Они лениво передвигаются по сцене, а массовка и вовсе зевает и разминает спины.

– Мистер Коллинз? – тихо зову я, но тот меня не слышит, и тогда мне приходится легонько толкнуть его. – Мистер Коллинз, я пришел по поручению мистера Дженкинса.

– О, музыкант! – Его глаза загораются. Мне не удастся понять: разыгрывает ли он любезность или всегда так театрально проявляет эмоции.

Он останавливает репетицию и громко объявляет о моем прибытии.

Девушки на сцене заметно оживляются, парни бросают в мою сторону безразличные взгляды. Я же замечаю угольно-черный, блестящий рояль в глубине зала и по вполне очевидным признакам узнаю свою любимую марку – Steinway & Sons.

Зануда Бак приглашает меня на сцену и начинает задавать дежурные вопросы. Как банально. Я отвечаю не задумываясь, ведь меня лишь одно волнует: я должен добраться до инструмента и услышать его великолепное звучание.

Наконец-то мне предлагают сыграть.

Надеюсь, рояль содержали в хорошем состоянии. Даже одна расстроенная нота – преступление для Steinway & Sons.

Я сажусь за инструмент. Но что сыграть? Моцарт, Бетховен, Шопен – в моей голове разом всплывает добрый десяток любимых классических произведений. Вот только душа хочет петь, и, как только мои пальцы касаются клавиш, вместо Моцарта звучит грустная мелодия, которую я слушал в самолете, когда возвращался в Соединенные Штаты.

Мир перестает существовать. Вокруг образовывается непроглядная темнота. Музыка проникает мне прямо в сердце, и я становлюсь частью этого звука, частью инструмента и начинаю петь, вкладывая особый смысл в каждое слово.

This is more than just a phase, love

Shooting stars all break up

And even though it seems

like half the world away[1 - EDEN - «Wake Up» (с англ. «Проснись»)].

Меня переполняет невообразимое удовольствие. Кажется, скитаясь столько лет по миру, я, наконец, очутился в нужном месте в нужное время!

Неожиданно сквозь темноту сомкнутых глаз я замечаю яркие вспышки.

Ширма рядом с роялем наклоняется, яркие вспышки освещают женский силуэт.

Я прищуриваюсь и ощущаю, как сердце пропускает меткий удар. Пальцы застывают над клавишами. Я встаю из-за инструмента и иду к девушке, надеясь, что обознался.

– Олли?

Заглянув за ширму, я вижу ее испуганные шоколадно-карие глаза. Она приоткрывает от удивления рот, и ее бархатные губы, чей призрачный вкус проносится на моем языке, тут же смыкаются обратно. Словно молния, меня пронзают все те годы, что мы провели вместе, и я чувствую прилив гнева, осознавая, как же бездарно мы их потеряли.

Олли тяжело выдыхает, и испуг исчезает, уступая место холоду и безразличию.

Образ, оставшийся в моей памяти, образ любящей, нежной, счастливой девушки моментально разрушается. Передо мной стоит совершенно другой человек, и, судя по холодному взгляду, призраки прошлого его не тревожили.

Глава 6. Невидимка

Ллойд

Оливия разрывает наш зрительный контакт и молча уходит. Широкими шагами, придерживая фотоаппарат, она проходит мимо мистера Коллинза и бодро поднимается по лестнице к выходу.

У меня не получается взять себя в руки. Мы не чужие люди, и именно этот факт заставляет меня пойти за ней. Я срываюсь с места и спускаюсь со сцены, не сводя глаз с Оливии. Девушка прибавляет шаг, и я начинаю идти быстрее, но внизу меня уже встречает мистер Коллинз, ненавязчиво перегородив мне путь.

– Мистер Форд! – Он взмахивает кипой листов в руках. – Сейчас я передам вам сценарий и ноты. Думаю, завтра мы уже сможем отрепетировать вместе.

– Отлично, давайте, я пойду их разбирать.

По закону подлости мастер слишком долго возится с листками, и, выглядывая из-за его плеча, я вижу, как Оливия выходит из актового зала.

Давай же, шевелись, Зануда Бак!

Когда ему удастся выудить ноты, я резко выхватываю их из его рук и пулей несусь к лестнице, чуть ли не перепрыгивая ступеньки. Заметив меня, Кевин поднимается и уже собирается что-то сказать, но я жестом прошу его оставаться на месте и вырываюсь в коридор. Я оглядываю студентов, но не замечаю ее.

Я преодолеваю длинный коридор за пару секунд, пробегаю лестницу и ищу ее среди толпы в холле.

- Ты что-то потерял? - Меня окликает мужской голос.

Передо мной появляется высокий, темноволосый парень. Он приближается ко мне вальяжной походкой, и с каждым шагом нелепый пучок на его голове болтается в разные стороны, точно болванчик. Парень растягивает губы в кошачьей ухмылке, а я спрашиваю:

- Не видел тут светловолосую девушку? С фотоаппаратом.

Он задумчиво поводит плечами.

- Ну, здесь ее вроде бы нет, значит, не видел.

Я чувствую, что он лжет, но у меня нет никакого желания разводить дискуссию.

Молча кивнув, я возвращаюсь в актовый зал, где меня терпеливо ждет Кевин.

- Бесполезно, Ллойд, - отрезает он, когда я забираю гитару и мы выходим из зала.

- В смысле?

- Оливия, конечно, симпатичная девушка, но у тебя ничего не получится. - Кевин вновь барабанит пальцами по лямкам рюкзака. - Ни у кого не получалось. Говорят, у нее что-то случилось, и она стала злой и скрытной. Везде ходит с Белым Кроликом.

- Случайно не с тем петухом с хвостиком на башке?

Кевин кивает, расхохотавшись. Проходящие мимо девушки с усмешкой зыркают на него и перешептываются, но, заметив мой строгий взгляд, моментально затыкаются.

Пазл в голове сходится. Как я и предполагал, этот напыщенный индюк знал о ней и даже знал, куда она делась, но ничего мне не сказал.

Отличный первый день! В глубине души я надеялся ее увидеть. Думал, что однажды мы встретимся на улице или на набережной, когда она приедет из Вашингтона, чтобы навестить своих родителей.

«Но почему она здесь?» – этот вопрос не давал мне покоя, как и тот факт, что при виде нее во мне перемешалась палитра эмоций. С одной стороны, во мне вдруг вспыхнули старые чувства, правда теперь их питала жгучая ненависть.

Оливия сильно изменилась: некогда неиссякаемый яркий огонек теплоты в ее глазах исчез. Она уже не красится так, как раньше, да и одевается проще, скрывая за джинсами и мешковатым худи свою великолепную фигуру.

Я вспоминаю, как идеально на ней сидела синяя форма чирлидеров. Как задорно вздымалась короткая юбочка, когда она репетировала с командой. Как шуршали помпоны в ее руках и то, как они падали на пол, когда я уводил ее за трибуны пустого спортивного зала. Ее бархатная кожа мгновенно вспыхивала жаром от каждого моего прикосновения. Она всегда вызывала во мне яркие эмоции. Рядом с ней всегда менялся и я.

От воспоминаний волоски на теле встают дыбом, а по коже пробегают мурашки.

– Идешь на историю музыки? – Кевин скрещивает на груди руки, чтобы перестать дергать лямки рюкзака.

– Мне нужно разобрать ноты для завтрашней репетиции. – Я не хочу признаваться Кевину, что должен побыть один. – Увидимся завтра?

Он счастливо улыбается и немного громче, чем положено, отвечает:

– Увидимся!

Кевин идет к лестнице. Внезапно со ступенек спрыгивает студент, которого я видел сегодня на занятии. Кажется, его зовут Чарли. Он специально задевает Кевина плечом, хотя тот и отошел подальше, чтобы пропустить его вперед. Я фиксирую данное действие в своей голове. Чарли еще и едкую фразочку бросает вдогонку парню.

Все мышцы в моем теле напрягаются. Чарли смеряет меня оценивающим взглядом и вразвалку выходит из университета, небрежно поправив рюкзак.

Кажется, некоторые из студентов все еще не вышли из детского возраста. Впрочем, чему удивляться? В университете, как и в школе, травят тех, кто отличается от других.

Чарли ведет себя как избалованный мажор, и, когда я выхожу на улицу, вижу, как он садится в дорогую тачку. Такие люди, как он, – очень громкие и слишком самоуверенны. Но, черт возьми, как же забавно наблюдать, когда они падают лишь от одного удара.

Я надеваю чехол с гитарой, достаю наушники и, включив песню NF – Paralyzed[2 - С англ. «Парализованный».], беру курс домой. Как только голос исполнителя разливается в наушниках, мир становится терпимей. Даже маленькие улочки Лейк-Чарльза вызывают только приятную ностальгию.

Мне бы развеяться.

Я захожу на территорию апартаментов «Феникса», лениво поднимаюсь по лестнице и останавливаюсь перед соседним номером. Может, познакомиться с соседом?

Внезапно за дверью раздается грохот. Будто кто-то крушит мебель или бьет посуду.

Наверное, не лучшее время для знакомства.

Я вздыхаю и прохожу в свою квартиру. Гитару аккуратно ставлю на пол, ноты кладу на комод, а сам падаю на кровать прямо в одежде. Глаза закрываются, тело расслабляется, однако, прежде чем провалиться в мир сновидений, я слышу за стеной женский плач.

Глава 7. Все проходит?

Оливия

- И как это понимать? – раздается голос Сэма. – Ты свои пропущенные видела?

Мой друг вне себя от возмущения. Он марширует по моей комнате и бросается колкими словечками. Когда же он понимает, что я не реагирую на его выпады, он молча присаживается на край кровати, ставит кофе и кексы на прикроватный столик и аккуратно стягивает с моей головы одеяло.

- Святая Дева Мария, что с тобой?

Мы с Сэмом никогда не жаловались на жизнь. Более того, мы всегда презирали тех, кто ноет о своих проблемах. Обычно чистосердечные признания мы подавали друг другу под саркастическим соусом, вот только сегодня у меня нет сил шутить. Голова болит так сильно, будто в черепушку залили раскаленную магму.

Меня разрывает на части от тысячи недосказанных слов трехлетней давности.

- Тебя будто пчелы покусали! У тебя аллергия?

- Нет, – сухо отвечаю, шмыгая носом, и ухожу в ванную.

Ледяная вода снимет отек. Плюс где-то в морозилке у меня спрятаны ложки, чтобы приложить их к глазам. Я набираю в сложенные лодочкой ладошки воду и наклоняюсь, чтобы умыться. Выпрямившись, я вздрагиваю, ведь позади меня появляется Сэм.

- Расскажешь что случилось? – Он скрещивает руки на груди, прикусывая губы.

- Не сейчас, ладно?

Если я начну рассказывать, меня захлестнет волной противоречивых чувств.

Но Сэм непреклонен. Он лишь приподнимает подбородок и, прищуриваясь, смотрит мне в глаза, будто пытаюсь прочитать мои мысли. Выглядит это забавно. Даже если бы он был настоящим эмпатом, он бы не сумел меня понять.

Я сама себя не понимаю.

Ухожу на кухню за ложками. Сэм тенью пробирается следом, берет мой лавандовый раф, который приносит мне каждое утро, и ставит передо мной на стол. Ледяные ложки моментально приводят меня в чувство, и головная боль постепенно отступает.

– Ты разбила вазу?

Даже не глядя на Сэма, я представляю, с каким недовольным лицом он сидит напротив, закинув ногу на ногу. Видимо, он заметил завалившиеся под стол осколки. А мне казалось, я их все собрала...

– Это все из-за Ллойда Форда? – Точное попадание в цель. Ложки с грохотом опускаются на стол. – Встретил его вчера в холле. Видела бы ты его растерянные глаза, и что-то мне подсказывает, что искал он именно тебя.

Сэм делает глоток моего напитка и морщится. Знает же, что не любит такой сладкий кофе, но каждый раз пробует, будто что-то изменится. Я же пытаюсь не показывать виду, что Ллойд Форд что-то значит для меня.

– Мы с ним знакомы.

В глазах Сэма вспыхивают озорные огоньки. Он подвигается ко мне через весь стол и подпирает подбородок ладошками. Теперь точно не отвертеться. Придется рассказать, и, как бы трудно мне ни было, мне полегчает, когда я закончу.

– Мне исполнилось двенадцать. К нам в школу перевели новенького из Европы. С этого все и началось... Почти сразу наша дружба переросла в симпатию, а когда у Ллойда разошлись родители, я оказалась единственным человеком, кто был с ним рядом. Все школьные годы мы то сходились, то расходились. Расставаясь, мы ненавидели друг друга, пытались ранить сильнее. А сходясь, верили, что нас больше ничто не разлучит.

– Так-так, пахнет больными отношениями.

Едкое замечание Сэма заставляет меня горько усмехнуться.

– Мы были больными порознь. Всегда было что-то... – мой голос становится тише, но я продолжаю: – Или кто-то, кто разлучал нас. В последний раз в наши отношения вмешалась Брук Стоун.

– Даже имя стервозное, – замечает парень. – Бру-у-у-ук. Она еще в Лейк-Чарльзе?

– Я не видела ее с той самой ночи, как застала их с Ллойдом в интересной позе. Да мы и с ним с того момента не общались.

– И он даже не захотел извиниться?

– А он и не догадывался, что я в курсе. Я выскочила из комнаты до того, как они заметили третьего лишнего. Так все и закончилось.

Я облегченно выдыхаю, благодаря Сэма за то, что он не задает много вопросов.

– Раз уж Ллойд вернулся, значит, нас ждет фееричное продолжение вашей давней истории. – Друг передает мне кофе, и я делаю пару глотков, подмечая, что с лавандовым сиропом бариста явно переборщил.

– На этот раз все кончено.

– Скажи это своему опухшему лицу. В общем, посмотрим, что будет дальше.

Сэм расплывается в лучезарной улыбке.

Моему раздражению нет предела, когда до нас доносится звон гитары из соседнего номера. Мои надежды о спокойном соседе тщетны! Очень сильно надеюсь, что по ночам он играть не будет. Хотя на сегодняшнюю ночь у меня другие планы.

– Сегодня в баре вечер блюза. Придешь?

Я уже знаю ответ Сэма, но все равно спрашиваю:

– А завтра твоя смена?

– Ага.

– Тогда вечер будет жарким.

Глава 8. Гештальт

Оливия

– Ты должна уметь постоять за себя, Олли. Я не всегда смогу быть с тобой рядом. Мир не так дружелюбен, как ты.

Всю дорогу до университета я молчу. Отдаленно слышу словесный поток Сэма о его семье, планах на будущее и бессовестно блуждаю в своих мыслях. За стеклом автомобиля улицы сменяют друг друга, меняются дома, их цвета и формы. Впервые за долгое время я рассказала кому-то о Ллойде, и теперь флешбеки из прошлого заполняют мое сознание.

Как бы сильно я ни пыталась избавиться от Ллойда, он все равно возвращается. Как проклятье, черная метка! Так случалось всегда: я запиралась от него на тысячи замков, но он выламывал двери.

– Сэм, ты останешься сегодня после закрытия?

По недовольному фырканью Сэма я понимаю, что слишком долго блуждаю в своих мыслях и не отвечаю на его вопросы. Мой друг забавно злится.

– Ты зависла? – ворчит он, закатив глаза.

– Нет, я просто хотела посидеть с тобой. Мартин сегодня уйдет раньше, и я буду за главного.

– Зависит от твоего поведения.

Сэм останавливается возле главного корпуса на парковке, и я, чмокнув его в щечку и захватив рюкзак, выхожу из машины. Мое настроение заметно поднимается, когда я вижу здание университета. Чтобы дойти до нужного мне корпуса, нужно пройти широкий парк с пышнокронными деревьями, под которыми частенько отдыхают студенты. Мне нравится бродить по территории университета с камерой и ловить интересные кадры. Фотография – это не только мое хобби, но и источник дохода. Я продаю свои снимки в журналы или же в интернет-блоги и получаю неплохие деньги.

Я щурюсь от яркого солнца, присаживаюсь на газон и счастливо улыбаюсь. Черт с культурологией! Подложив под голову сумку, я ложусь на траву и перебираю прохладные травинки пальцами, устремляя взгляд в голубое небо, по которому, будто нарисованные маслом, плывут белоснежные облака. На мгновения они застилают солнце, набрасывая на землю холодную тень, но вскоре солнце вновь зажигает мир яркими красками.

Потеряв счет времени, я проваливаюсь в сладкую дремоту, пока в затылок не отдает легкая вибрация из сумки.

– Кто бы ты ни был, отвали.

Вибрация прекращается, но через пару секунд начинается снова.

Черт возьми! Так терроризировать меня могут только два человека. И один только что пошел на пары. Значит...

Я достаю телефон и делаю глубокий вздох перед тем, как ответить на вызов.

Приходится собрать волю в кулак, но как только я слышу ее голос, меня пробирают неприятные воспоминания.

– Доченька моя! Как ты, дорогая? Почему не звонишь мне, я так переживаю... – Мама все говорит и говорит, а мои пальцы срывают с газона травинки.

Она сыплет вопросами, прекрасно понимая, что не получит ответов. Она знает, что я не собираюсь говорить с ней, и оттого мне становится еще больнее.

До возвращения Ллойда мне было легко скрывать свои эмоции, я могла отключаться от свербящего чувства вины, но теперь, когда шкатулка Пандоры открыта, все меняется.

– Почему ты общаешься со своим отцом чаще, чем со мной? – продолжает она, и мои глаза застилают пелена слез.

Не надо, мам, не начинай.

– Что ты пытаешься мне доказать?

Я хочу, чтобы она замолчала, но не в силах бросить трубку первой. Слишком сильно соскучилась по ее голосу.

– Ты виделась с отцом? – из-за кома в горле мой голос дрожит.

На том конце провода воцаряется тишина. Кажется, мама перестает дышать.

– Ты же знаешь, что Патрик против, Лив, – наконец звучит ответ.

– Извини, я совсем забыла, что слово Патрика – закон.

Я бросаю трубку, чувствуя, что готова вот-вот сорваться и сказать ей лишнее. После ночной истерики от новой порции слез начинает пощипывать лицо, но я быстро беру себя в руки. В конце концов, вырываю кусок травы с корнем и отбрасываю в сторону.

– Я тебя вижу, Олли. Я же знаю, что с тобой что-то происходит.

Встаю на ноги и быстро хватаю сумку. Судя по нарастающему количеству студентов на территории, культурология уже в полете.

Ну и отлично!

Недолго думая, открываю в телефоне переписку с Грэггом и набираю сообщение:

«Хочу увидеться сегодня. Соскучилась».

Я быстро подхожу к нужному мне корпусу, не отрывая взгляда от экрана телефона.

Ну же, Грэг, пожалуйста, ответь!

Под моим сообщением появляется галочка «прочитано», но ответа так и не следует. Видимо, он затаил на меня обиду, после того как я сбежала.

От злости и досады кровь вскипает в жилах. Я взбираюсь по ступенькам и со всей силы толкаю стеклянную дверь, не замечая по ту сторону студентов.

– Ты офигела, что ли? – слышится знакомый бас, и я жалею, что не толкнула дверь посильнее.

– Пошел к черту, Чарли!

У меня нет времени на ссоры с этим парнем, хотя он заслуживает хорошей взбучки за то, что постоянно издевается над студентами. Главный его «любимчик» – Кевин. Чарли никогда не упустит шанса подшутить над ним. Но наше с ним противостояние длится уже довольно долго. Дело в том, что Чарли считает себя плохим парнем и альфа самцом, и многие девушки ведутся на притянутый за уши образ таинственного грубияна. Когда Чарли решил подкатить ко мне, я с удовольствием его отшила, задев мужское эго. Каждый из его подкатов увенчивался всеобщим смехом, над парнем начал смеяться весь университет. В ответ на это Чарли прозвал меня фригидной ханжой.

– Тупая шлюха! – плюется вдогонку парень, и я, не оборачиваясь, посылаю ему средний палец.

Он стал еще злее на меня, когда застал в постели своей сестры. А через неделю там уже побывал и Белый Кролик. В общем, отношения с сестрой у него сильно испортились.

Я поднимаюсь на второй этаж, сжимая в руке телефон, и иду по коридору к нужной мне аудитории. Меня поджидает психология массовой коммуникации. Предмет довольно странный, впрочем, как и наш преподаватель. Семинары у нас похожи на закрытый клуб анонимных алкоголиков. Мы садимся в круг и обсуждаем проблемы друг друга, разбирая темы занятий на примерах из жизни. Чаще всего я молчу, утыкаясь в телефон, и изредка пытаюсь словить на него кадры с неподдельными эмоциями студентом. В моменты, когда начинаются оживленные дискуссии и кто-то описывает болезненные или радостные эмоции, мне становится по-настоящему интересно. Каждый пытается вставить свое слово, рассказать свою историю, а всем наплевать. Люди делятся секретами не потому, что им важно мнение других, а потому, что им необходимо высказаться, приумножив значимость слов избитой фразой «только никому не говори».

Самое гигантское заблуждение человека заключается в том, что он уверен, будто кого-то интересуют его проблемы и чувства в момент откровенных разговоров. Но всем плевать. И когда ты захлеб рассказываешь охренительную историю из своего детства, знай: твой собеседник просто ждет, пока ты заткнешься, чтобы затем рассказать свою.

Я захожу в аудиторию и сразу же вижу Ллойда.

Сердце сжимается.

Парень сидит слева от преподавателя, небрежно развалившись на стуле. Уголки его губ поднимаются, когда миссис Хилтон приветствует меня, приглашая присоединиться к кругу «доверия», однако улыбка не доходит до его изумрудных глаз. Помимо нас троих в кругу сидят еще пятеро студентов. Я занимаю место четко напротив «ублюдка». Рядом с Ллойдом примостилась Фелиция Краст – звезда нашей группы поддержки. Она пытается невзначай прикоснуться к нему плечом, то и дело поправляя темные локоны.

– Итак, сегодня мы с вами разберем один очень популярный термин, – сообщает миссис Хилтон.

Она одаряет каждого лучезарной улыбкой и сцепляет пальцы в замок на коленке.

– Наверняка каждому из вас знакомо понятие «незакрытый гештальт».

Отстраненный взгляд Ллойда падает в центр круга, и он усмехается самому себе.

– Олли, я не дам тебя в обиду.

– Кто-нибудь слышал про этот термин?

Фелиция нетерпеливо тянет руку.

– Это когда не можешь что-то или кого-то забыть, – говорит она, и холодный взгляд Ллойда падает на меня. – Когда постоянно думаешь о ситуации из прошлого или о том, чего так и не произошло.

– Верно, мисс Краст! – Похвала учителя действует на девушку, как фраза «хороший мальчик» на собаку, и меня передергивает.

Ллойд облокачивается о спинку стула и скрещивает руки. Если бы его взгляд мог воздействовать физически, от меня не осталось бы уже ни следа.

– Бывает, просыпаешься утром, – растягивает слова миссис Хилтон, – смотришь вокруг и понимаешь: что что-то не так. У тебя есть дом, отлична работа и счастливая семья. Но что-то все равно глохнет тебя изнутри, обида прожигает до костей, и злость не дает покоя. И как бы много хороших событий ни происходило в жизни, наше сознание посылает нам сигналы неприятных моментов прошлого. Так мы называем незакрытый гештальт.

– Сегодня я не заправил постель и постоянно думаю об этом, – говорит кто-то в кругу. – Это тоже незакрытый гештальт?

Наши гляделки с Ллойдом продолжают. Он будто пытается заставить меня отвести взгляд, но я смотрю в изумрудный омут, чувствуя, как он затягивает меня воронкой.

– Ты лучшее, что случилось со мной, Олли.

– А я не доела спагетти, и теперь мысль о том, что они испортятся, следует за мной по пятам.

– А я в детстве прошла мимо бездомного щенка и теперь постоянно думаю о том, что стоило наплевать на родительский запрет и забрать его домой.

Каждый в кругу рассказывает истории своих незакрытых гештальтов, углубляясь все серьезней, затрагивая личные темы. Мы с Ллойдом терпеливо молчим, ведя немой диалог между собой. Мы сидим друг напротив друга, и нас разделяет не только пять метров, но и тысячи несказанных слов, океан обид и ураган ненависти. С каждой секундой напряжение между нами нарастает. Еще немного – и центр круга озарит настоящая молния.

Ллойд с силой сжимает скулы, да так, что на лице играют желваки.

– Я никогда не оставлю тебя, Олли.

Я закрываю глаза и усмехаюсь всплывшей в памяти фразе этого лживого ублюдка.

– Однажды я ушел, потому что думал, что все кончено. – Голос Ллойда звучит решительно, и я не тороплюсь открывать глаза, прекрасно зная, что он так же с издевкой смотрит на меня. – Я сжег мосты и начал новую жизнь. Но куда бы меня ни заводила судьба, в каких отдаленных уголках планеты я бы ни находился, она все равно следовала за мной, не давала мне спокойно жить. Я чувствовал ее присутствие. Единственная мысль, которая сейчас мне не дает покоя: а что если ей пришлось пережить что-то ужасное после моего ухода, ведь я обещал ей всегда быть рядом.

От его слов мне становится тошно. В зале воцаряется гробовая тишина, и слышен лишь мой тихий смех. Открыв глаза, я замечаю, что все с легким осуждением смотрят на меня. Кроме Ллойда. Он ухмыляется.

– А какой ваш незакрытый гештальт, мисс Фостер? – с вызовом спрашивает преподаватель, призывая меня к участию в этой групповой «недотерапии».

– А я их предпочитаю не открывать, – спокойно отвечаю ей. – Я не даю пустых обещаний и избегаю пустословов и лжецов.

Я отдаюсь во власть ненависти и с удовольствием наблюдаю, как белеют костяшки его рук. Как он сжимает губы в тонкую полоску. Наслаждаюсь тем, как искрятся от злобы его глаза.

Сейчас я ощущаю острую потребность в том, чтобы он прочувствовал каждой клеточкой своего тела сковывающую злобу. Злобу, которая заполняет все вокруг. Злобу, которая перекрывает кислород и застревает комом в горле. Злобу, которая оставляет после себя лишь пустоту.

Пусть он хоть на мгновение отдаленно почувствует то, с чем я живу три года.

Но Ллойд быстро берет себя в руки, и когда наши взгляды вновь встречаются, он произносит только губами:

– Я тебя вижу.

Глава 9. Маска

Ллойд

– Привет! Меня зовут Оливия Фостер! – Маленькая, хрупкая девочка приветливо улыбается мне, крепко сжимая в руках поднос с обедом. Она застенчиво смотрит на мой стол, за которым я в одиночестве поедаю ланч, и спрашивает: – Можно присесть?

– Конечно. – Это единственное, что я отвечаю, ведь уши краснеют от смущения.

Она садится напротив, поправив светло-русые волосы, и приступает к обеду.

Живот скручивает от волнения, а ноги становятся ватными. В нос ударяет сладкий запах яблок с карамелью. Девочка отпивает сок и обращает на меня

свой взгляд.

От ее улыбки у меня перехватывает дыхание, и кусочек сэндвича попадает не в то горло. Я начинаю тихо кашлять, мужественно притворяясь, что все под контролем.

– С тобой все в порядке? – В медово-карих глазах плещется тревога.

Я киваю и делаю пару больших глотков воды. Помогает моментально. Кто бы мог подумать, что самая красивая девочка в школе сядет рядом со мной?

Первый день в новой школе преподносит огромные сюрпризы!

Она подошла и заговорила первой! Надо тоже что-то ей сказать, хватит украдкой пялиться на нее!

– Привет! – Я нерешительно придвигаю к себе тарелку и тихо добавляю, пытаюсь сделать вид, что мне пофиг: – Ллойд Форд.

– А я знаю. – Ее глаза сверкают, она снова поправляет волосы и, выпрямив спину, наклоняется чуть вперед к столу. – Я из твоего класса.

Как же глупо! Меня же представляли. Вот черт.

Но Оливия не замечает моего стеснения. Кажется, ей, наоборот, нравится со мной общаться. Она оглядывает столовую и меняется в лице. Я украдкой смотрю в ту же сторону и вижу темноволосую девочку, которая сидит неподалеку от нас в компании парней. Она выглядит довольно странно: грубый, яркий макияж, красный топик и рваные джинсы. Она явно пыталась казаться старше своих лет и поэтому одевалась, как тетки на работе моего отца. Только у нас дома, в Греции, было тепло, и многие так ходили.

А тут стоял собачий холод.

– Брук Стоун положила на тебя глаз, – как-то расстроено сообщает Оливия.

Улыбка сходит с ее лица, но она остается красивой, даже когда грустит. Оливия забавно надует губы. Кажется, ее что-то тревожит.

Неужели она завидует этой девочке?

– По-моему, Брук выглядит смешно. – Я расслабляюсь, когда Оливия смущенно улыбается. – У меня в школе в Греции такие не пользуются популярностью.

– А ты откуда?

– Санторини, – с гордостью отвечаю я и понимаю, что мой ответ ей ни о чем не говорит.

– А ты бывал на Крите?

– Пару раз.

– А правда, что там до сих пор живет Минотавр? – Оливия снова одаряет меня лучезарной улыбкой.

Карие глаза загораются радостными огоньками, и я без колебания отвечаю:

– Конечно! Только он хорошо прячется.

Надеюсь, она поняла мою шутку.

– Жалко! Я бы хотела на него посмотреть.

Она серьезно?

– Он же может тебя убить...

– А я позову Геракла и Зевса!

Кажется, она говорит серьезно. Я недоуменно замолкаю, а она прыскает со смеху. Напряжение спадает, и я не замечаю, как наш разговор растягивается на

весь ланч.

– Ллойд Форд! – Голос преподавателя вырывает меня из воспоминаний. – Вы у нас новенький, верно?

– Да, – отстраненно отвечаю ей, надеясь, что больше вопросов не последует.

Небольшой круг из стульев заполняется студентами. Скучающие лица обращены в экраны телефонов.

– К нам редко переводятся после начала учебного года. Обязательно перепишите конспекты лекций, чтобы быть в курсе наших семинаров!

Приторная улыбка преподавательницы напрягает меня, и я лениво киваю, стараясь вспомнить ее имя. К моему счастью, она замолкает.

– Я могу поделиться конспектом, – внезапно доносится до меня женский голос.

Передо мной мелькает копна темных волос. Девушка копается в сумке, висящей на стуле, а потом передает мне тетрадь. С первых секунд меня охватывает оцепенение, едва я замечаю знакомые черты лица. От какой-то странной внутренней схожести меня бросает в жар. Незнакомка заправляет непослушную прядь за ухо и заметно смущается, когда наши взгляды встречаются.

– Спасибо, – спокойно отвечаю я, отбрасывая вновь нахлынувшие воспоминания.

Забираю конспект и кладу его в карман чехла гитары.

– Меня зовут Фелиция. Я видела тебя на репетиции, ты очень классно играешь!

Слишком наигранно.

– Очень приятно, спасибо, – бросаю в ответ и откидываюсь на спинку сиденья, вытянув ноги.

- Все в сборе? - с энтузиазмом спрашивает преподаватель.

В этот момент дверь распахивается, и в аудиторию влетает светловолосый вихрь.

Тело моментально реагирует на ее присутствие. Оливия бросает на меня свирепый взгляд и садится на свободный стул. Девушка заметно нервничает, будто незадолго до прихода к нам, ей кто-то изрядно подпортил настроение. Она небрежно запускает пальцы в волосы и протяжно выдыхает - Олли всегда так делает, когда она не в духе. Ураган в ее глазах разгорается сильнее, когда наши взгляды встречаются.

Девушка из моих воспоминаний бесследно исчезает, уступив место злобной бестии.

На этот раз мне хочется уйти первым. Физически - это вполне возможно, но лучше мне от этого не станет. Мне никуда не деться от собственных мыслей.

- Наверняка каждому из вас знакомо понятие «незакрытый гештальт».

После слов преподавателя мне хочется громко рассмеяться, но я лишь давлю тихую усмешку.

- Кто-нибудь слышал про этот термин?

- Это когда не можешь что-то или кого-то забыть. - Я смотрю на Оливию в надежде, что ее образ из прошлого навсегда исчезнет - Когда постоянно думаешь о ситуации из прошлого или о том, чего так и не произошло.

Холодный взгляд лишь подначивает меня принять немой вызов. Не отрываясь друг от друга, мы притворяемся, что слушаем дискуссию. Уголки ее губ искривляются в ухмылке, и я стараюсь усидеть на месте, чтобы не схватить ее за руку и не увести отсюда.

В памяти всплывают моменты наших ссор. Только тогда я знал, что она вернется, а сейчас... С ней явно что-то не так. Что-то сломало ее. Я должен узнать, что случилось.

Она тихо усмехается и устало закрывает глаза.

– Однажды я ушел, потому что думал, что все кончено, – вмешиваюсь в разговор я, наблюдая за реакцией Оливии. – Я сжег мосты и начал новую жизнь. Но куда бы меня ни заводила судьба, в каких отдаленных уголках планеты я бы ни находился, она все равно следовала за мной, не давала мне спокойно жить. Я чувствовал ее присутствие. – Ни один мускул на ее лице не вздрагивает, она продолжает сидеть с закрытыми глазами и с застывшей ухмылкой на лице. – Единственная мысль, которая сейчас мне не дает покоя: а что если ей пришлось пережить что-то ужасное после моего ухода, ведь я обещал ей всегда быть рядом.

С ее губ срывается нервный смех, и внимание в аудитории переключается на нее. Я замечаю еле заметную тревогу, ту, что она умеет подсознательно прятать даже от самой себя. Я попал в цель.

– А какой ваш незакрытый гештальт, мисс Фостер?

– А я их предпочитаю не открывать. Я не даю пустых обещаний и избегаю пустословов и лжецов.

Кажется, я понимаю, о чем идет речь, и от этого мне становится не по себе.

Оливия со злобой смотрит на меня. Я ощущаю слегка уловимую горечь и усмехаюсь, вспоминая последние школьные дни и обстоятельства, при которых мне пришлось нарушить обещание.

Из-за нее самой.

– Я тебя вижу, – одними губами шепчу я.

Мне нужно поговорить с ней наедине. Все мое нутро желает этого, разгораясь от возбуждения.

– На этом мы и закончим наш семинар, – подытоживает преподаватель, и сидящие в кругу студенты оживленно вскакивают с мест. – Оливия, задержитесь на минуту.

Девушка закатывает глаза. Я же беру чехол с гитарой и выхожу в коридор. Не отходя далеко от двери, я облокачиваюсь спиной о стену и терпеливо жду, когда она выйдет.

Сейчас, когда я уловил зацепку, мне необходимо довести дело до конца и наконец разобраться в том, что произошло три года назад.

Я уверен: моя Олли просто прячется за маской.

- Ты успеешь к следующей лекции переписать конспект? - Неожиданно у меня под носом появляется Фелиция.

- Не переживай, я все сфотографирую и сегодня же верну тебе тетрадь.

- Хорошо, тогда встретимся на репетиции.

Вот черт! Репетиция! Я совсем забыл, что подписался на кружок самодеятельности.

- Ага, договорились.

Я благодарно улыбаюсь, а девушка кокетливо прикусывает губу и уходит.

Как только все студенты покидают аудиторию, я подхожу к двери и прислушиваюсь к разговору Оливии с преподавателем. Говорят они тихо, но мне удается расслышать пару слов. У девушки проблемы с предметом и посещаемостью, но ее, видимо, это не волнует.

Что стало с отличницей, красавицей школы? Раньше за каждую хорошую оценку она боролась до последнего. Прогулять школу для нее было преступлением. Черт возьми, она даже меня всегда по утрам будила звонками, чтобы я не проспал!

К счастью, первой из аудитории выходит не Оливия, и я успеваю залететь в дверной проем, перегородив девушке пути отступления.

– Ты... – свирепо выдыхает она и пытается оттолкнуть меня в сторону, но я лишь притягиваю ее за талию к себе, заталкиваю обратно в аудиторию и закрываю дверь.

Глава 10. Помнишь?

Оливия

– Ну, здравствуй, Оливия.

Тихий баритон забирается под кожу, в животе разливается теплое, ноющее чувство, тело предательски реагирует на его прикосновение. Присутствие Ллойда крадет каждый сантиметр свободного пространства.

– Не смей прикасаться ко мне, – отрезаю я, изо всех сил пытаюсь взять себя в руки, когда чувствую, как его ладонь скользит по талии.

Парень в усмешке поднимает руки в знак капитуляции, позволяя мне отойти на безопасное расстояние. Пара изумрудов довольно сверкает, обескураживая меня. Еще пять минут назад они горели от злобы, а сейчас... В этом весь Ллойд Форд, он отлично научился скрывать своих демонов за дружелюбным лицом.

– Зачем ты здесь? – Я подавляю дрожь в голосе, стараясь вложить сталь в каждое слово.

Сложно скрывать истинные чувства от человека, который знает тебя как свои пять пальцев. Ллойд озадаченно оглядывает аудиторию и тихо произносит:

– У меня здесь проходят занятия...

– Черт возьми, какого черта ты вернулся в Штаты?

Я делаю шаг назад, но все тщетно. Ллойд грациозно сокращает дистанцию, заставляя меня отступить, пока я не упруюсь в спинку стула.

– Тот же вопрос я хотел задать и тебе. – Его глаза загораются недовольством. – Почему ты не в Вашингтоне?

А почему я должна там быть? Этот вопрос поначалу вгоняет меня в ступор, и только потом до меня доходит, почему он задает мне этот вопрос. Три года назад отец отправил мои документы в университет Вашингтона без моего ведома, что и послужило одной из причин ужасного скандала в семье. Об этом знали только мы с отцом. С мамой они толком не общались с самого моего рождения. Но ведь Ллойд незнаком с моим папой, они никогда не виделись, откуда он узнал? Собрав волю в кулак, я делаю шаг к Ллойду и смело окунаюсь в омут его изумрудных глаз.

– Хотела от тебя избавиться, но ты уехал первым.

Мой ответ парня не устроил. Он пропускает мимо ушей колкую фразу, и его улыбка превращается в оскал. Ноги подкашиваются, когда моего запястья касается его рука. Он медленно поворачивает мою ладонь тыльной стороной и проводит пальцем по левому безымянному пальцу, где раньше была татуировка сердца, которую мы сделали вместе. Свою я свела почти сразу же, как он уехал. А вот у него на руке рисунок остался.

Нежные прикосновения заставляют сердце барабанить по ребрам. Еще немного, и моя броня даст брешь. Он всегда играл нечестно и теперь, зная все мои слабости, ловко контролирует ситуацию.

– Ты помнишь, как это было? – шепчет он мне на ухо, разгоняя по телу мурашки. – Помнишь мои прикосновения, Олли?

Его пальцы скользят вверх по моей руке и ловко ложатся на талию.

– Нет.

– Маленькая лгунья, – усмехается Ллойд, прижимая меня к себе.

Тело обдает жаром, близость становится невыносимой, сладкой пыткой. Ллойд вновь лишает меня рассудка. Одна его рука норовит залезть под мою футболку, а другая ложится на шею. Он аккуратно приподнимает мою голову за

подбородок.

– Посмотри на меня и скажи, что ты ничего не помнишь, Олли. – Его голос пробирается в мои мысли, в мое сердце. Ллойд застывает, словно хищник перед броском.

Я знаю, что последует после. Знаю, чем все в итоге закончится.

– Помню. – Я зажмуриваюсь, чувствуя его горячее дыхание на своих губах. Перед глазами всплывают тысячи наших поцелуев, страстных, нежных, безумных. И их было бы еще больше, если бы не одно «но»: – Я помню, как ты трахался с Брук у меня за спиной.

Открываю глаза и вижу, как лицо Ллойда напрягается, как взгляд становится жестче, но меня не остановить. Я продолжаю ледяным голосом:

– Спешу тебя расстроить – ее здесь нет, хотя Фелиция довольно симпатичная. Как раз похожа на нее.

Костяшки пальцев белеют. Мои слова стирают ластиком довольную ухмылку парня, но мне не становится легче. Ллойд готов сорваться в любой момент, и я не горю желанием видеть это зрелище. Робко отстраняюсь и молча иду к двери, вновь и вновь прокручивая в мыслях картину трехлетней давности.

– Позволь мне все объяснить! – Его звонкий голос разбивает гробовую тишину.

– Не утруждайся. Это уже не имеет значения. Более того, это не главная причина, из-за которой я не хочу тебя видеть.

Сэм всегда говорил, что я слишком гордая, что я холодна, неприступна, переступлю через любого мужчину и пройду по головам. Возможно, так и есть, но у каждой сильной и независимой женщины есть мужчина, перед которым она слаба. Моей слабостью всегда был Ллойд. Правда, он же и придавал мне сил. С ним я научилась стоять за себя. С ним я стала лучше и уверенней. Именно из-за него я сломалась.

Приходится прибавить шаг, чтобы скорее затеряться в толпе студентов в коридоре, но как только я захожу за угол, я подпрыгиваю от неожиданного прикосновения.

- Полегче, подруга! - Смех Сэма успокаивает, но я все равно чувствую, что Ллойд где-то рядом.

Выглядываю из-за угла. Паранойя все нарастает. Мой друг подливает масла в огонь, произнеся прямо над моим ухом загадочным голосом:

- Извините, вы случайно не видели высокого светловолосого парня в сексуально обтягивающей футболке и джинсовой куртке, с небрежно закатанными рукавами?

- Ты его видишь?

Я снова подпрыгиваю и прячусь за угол. Сэма смеется еще громче.

- Боже мой, Оливия, что с тобой происходит?

Сэм явно доволен тем, что происходит. Для него это маленькая победа - наблюдать за открытием обратной стороны моей жизни, где я не прячусь за маской тщеславия.

- Почему бы вам просто не поговорить? - спрашивает друг.

Я с любопытством смотрю ему в глаза и не улавливаю ни капли притворства. Сэм действительно переживает за мое благополучие, правда он не понимает, что мне станет куда проще жить, если Ллойд снова уедет в Европу.

- Мы уже поговорили, - признаюсь я, беру его под руку и веду к холлу. В кармане вибрирует телефон, и я надеюсь, что это Грэг. - И ничего интересного не произошло.

Белый Кролик лишь скептически фыркает. Неудивительно: я крайне редко проявляю эмоции, так что мой друг определенно догадался, что не все так просто. Черт возьми, даже прохожие странно косятся в мою сторону.

- Надо пригласить Ллойда на вечеринку в честь Хеллоуина.

- Не вздумай.

- Но это же отличная идея! Ты уже придумала, в каком костюме придешь?

У меня возникает огромное желание придушить Сэма прямо в коридоре, хотя боюсь, прилюдная экзекуция только сильнее его раззадорит. Я настолько взвинчена, что забываю, как бессмысленно что-то запрещать Белому Кролику.

- Надеюсь, он не примерит образ Джокера. Слишком избито.

Парень звонко смеется, а мне хочется провалиться сквозь землю. Как много лишних глаз. Не в силах сопротивляться грубому натиску друга, я киваю и достаю телефон, чтобы проверить, кто мне написал.

Сообщение от Грэга.

Я вновь обретаю контроль над собой.

Глава 11. Необратимый процесс

Оливия

Сэм ловко выхватывает телефон из моих рук и поднимает его над головой, чтобы я не смогла до него дотянуться. Не реагируя на мое злобное шипение и жалкие попытки пихнуть его, парень выходит из корпуса, листая мою переписку с Грэгом.

- Клянусь, однажды я стащу твой телефон и переименую все контакты! - рычу я. - И ты отправишь свой член своим же родственникам.

- Слишком предсказуемо! Моих родственников этим не удивить.

Сэм, не отрывая взгляда от экрана, садится на скамейку и начинает улыбаться, когда доходит до сообщений, датированных сегодняшним числом.

– Тебе не жалко мужика? Ты ему явно нужна не ради секса.

– У нас с ним деловые отношения.

– Ага, у ваших половых органов.

Он проматывает переписку и жестом призывает к тишине.

– Хочу увидеть тебя сегодня, – пищит он, пародируя мой голос. – Соскучилась.

Этот наглец заставляет меня улыбнуться. Я прикрываю лицо ладонями. Голос Грэга у него получается еще смешнее.

– Собираешься снова бросить меня одного в мотеле посреди ночи? Кажется, ты обещала остаться со мной до утра. – Сэм театрально откашливается и продолжает уже женским фальцетом: – У меня появились неотложные дела, извини, малыш. Малыш? Ты серьезно?

С губ срывается искренний смех. Сэм отдает мне телефон, покачивая головой.

– Какой отврат! Ллойда ты так же называла?

– У нас с ним не было прозвищ, – с удивлением для себя я, не задумываясь, ведусь на его провокацию. – Но он всегда называл меня Олли.

– Оригинальнее твоего Грэга будет.

– Может, хватит?

Сэм внимательно наблюдает за моей реакцией. Его идеальное лицо искривляется в хищной ухмылке, а глаза загораются любопытством. Но в самый последний момент, когда все его нутро выворачивается наизнанку, он вздыхает и обнимает меня за плечи.

– О чем вы сегодня разговаривали? – На этот раз Сэм спрашивает серьезно, без желаний ужалить, за что я ему безумна благодарна.

– Он пытался давить, а я напомнила ему, что он изменял мне с Брук.

– То есть нормального разговора у вас не было, вы сцепились языками...

– Все сложно, Сэм. Мы долго уничтожали друг друга и слишком хорошо друг друга знаем, чтобы уступить.

– Так почему бы тебе на правах того, кто осознает сложность ситуации, не сделать первый шаг? Ты ведь уже не та девушка, какой была три года назад? – Я с недоумением слежу за тем, как он оживляется, активно жестикулируя, он говорит все громче, так, что на нас снова обращают внимание посторонние. – Зачем ты фиксируешь Ллойда за стеклянным ящиком, он не кусок камня, не здание и не гребаный океан, чтобы оставаться неизменным! Скажу по секрету, даже все, что я перечислил, со временем меняется. Три года прошло, что-то да должно было измениться. Просто ты сама боишься этих перемен.

– Просто я уже не та. – Я говорю громче, но Сэм все равно меня слышит. – Я уже не та Олли, я не хочу ею быть, я просто... просто этого не заслуживаю.

Сэм всегда был гениальным манипулятором, и сейчас он умело вытаскивает из меня именно те эмоции, которые я давно закопала внутри. Раньше я никогда не позволяла себе давать слабину, но встреча с Ллойдом рушит броню.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

EDEN – «Wake Up» (с англ. «Проснись»).

2

С англ. «Парализованный».

Купить: https://tellnovel.com/el-nord_mariya/adyul-ter

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)